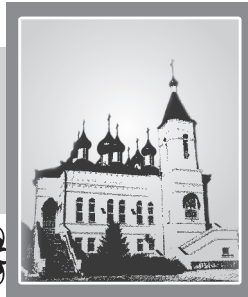

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Я сегодня хочу поговорить с вами о кресте и о семи словах, которые Христос произнес на кресте.

Христос много проповедовал, Он благовествовал, исцелял, воскрешал и совершил многие чудеса посредством слова, т.е. Он говорил. А на кресте почти замолк, едва произнес несколько фраз.

Фразы эти подсчитаны, собраны, скомпонованы, и они представляют собой Семь слов, которые Христос сказал на кресте. На эту тему написано много музыки в XVII-XVIII веке, произнесено много проповедей. И нам с вами стоит поговорить, когда крест вынесется перед нами, о том, что Христос сказал на кресте, уже не проповедуя. Что Он ходил, проповедовал, учил, исцелял, воскрешал и приобрел очень мало последователей, т.е. КПД было очень невелико, а на кресте вообще замолк.

А Он мог бы говорить! Например, Андрей Первозванный говорил на кресте, он висел несколько суток и говорил. А Христос не говорил на кресте много, Он говорил мало. Но все, что Он сказал, не имеет отношения к нашему спасению и к нашей вере. Я не претендую на то, что все слова, которые я вспомню и процитирую, будут расставлены в точном хронологическом порядке.

Первое вспомним: «Прости им, — молился Христос Отцу, — они не знают, что творят». Творят, не просто делают, а творят, т.е. глагол «творить» сильнее глагола «делать». Делают люди обычно нечто обыденное, скажем «жарят яичницу», «чистят зубы», «заводят автомобиль», и т.д. А творят они нечто новое. «Творить» означает совершать нечто такое, чего раньше не происходило в жизни. Люди раньше грешили по-всякому, смешивали плоть между собой. Мужчины разжигались страстью на мужчин, женщины — на женщин. Это сегодня у нас называется нормой. Люди воровали всю жизнь. Сколько мир стоит — люди воровали, обижали один другого, угнетали богатый бедного, знатный бесславного. Это все означает делать грехи, не творить, а делать.

А вот творить — это означает совершить нечто такое, о чем никто никогда не подозревал. Когда люди распяли Христа — они не делали грех, они его творили. Они сотворили такое, чего никогда никто не творил. Христос имел терпение по отношению к Своим злодеям и убийцам, просил Отца простить им это, ибо они не знают, что творят. Хотя Христос Сам имеет полную судебную власть, Христос — судья.

Кто будет судить человечество? Христос. Не Отец, а Сын. У него полная власть над человечеством, судебная и законодательная. Потому что Он дает закон, Он же и судит. И исполнительная, потому что Он его исполняет. Он просит отца простить Своих распинателей, чтобы очевидно показать нам отношение к грешникам, грешащим по неведению.

Это вовсе не значит, что мы, люди сегодняшнего дня, обязаны, например, террористов ИГИЛ, отрезающих головы христианам, считать нормальными людьми. Простить их, забыть обо всем и не наказывать их. Нет, это не значит. Но это значит, что у Христа есть власть и сила молиться Отцу, просить Отца о прощении тех, кто согрешает по неведению, по непониманию. Те люди, которые грешат, — у них есть своя правда. Когда побивали камнями Стефана, то все считали, что убивают безбожника. Однако убивали праведного человека. И Павел, который был тогда еще Савл, одобрял убийство, и он вообще ничего не делал. Он сидел, сторожил одежды и говорил: правильно, нужно убивать нечестивцев.

Поэтому у грешника есть своя правда,

т.е. он не знает, что творит. Вот это первое слово, которое Христос произнес с креста: «Прости им,

Отец, не знают, что они творят».

Потом есть несколько диалогов, диалог с Матерью. Из-под креста убежали почти все. Христос, по сути, был на кресте одинок. А кто был там? Мать была, но Мать не могла не быть, Мать всегда возле сына, Иоанн Богослов, Мария Магдалина и еще несколько женщин-мироносиц. И вот некоторые диалоги, первый мы уже привели: «прости им, они не знают, что творят». Второй: «Жено! се сын Твой. Се Матерь твоя».

Речь идет об Иоанне Богослове. И с тех пор Иоанн Богослов забрал Ее к себе, и Она у него была на содержании, Она жила у него. И Он ее берег, хранил, защищал, возил с собой и всячески оказывал Ей сыновнее служение.

«Жено! се сын Твой» — эти слова косвенным образом нам важны для того, чтобы противостоять богохульникам, считающим, что Матерь Божия имела после рождения Христа еще детей. Есть некие нечестивцы, язык которых не постыдился заявить, что когда Дева Мария родила Иисуса, то после этого Она еще жила по плоти, как простая жена, с Иосифом, и родила еще каких-то детей. Так вот слова эти: «Жено! се сын Твой» имеют отношение к этой теме, потому что если бы еще были дети, кроме Христа — то, конечно, не было бы этих слов.

Не нужно было бы Марии усыновлять Иоанна, если бы у Нее еще были бы дети. Здесь произошло духовное усыновление самого любимого Христом ученика Своей любимой Матери. И тот и та максимально соответствовали представлению Христа относительно святости, т.е. он святой, и Она Пресвятая. «Жено! се сын Твой. Се Матерь твоя!» — это второе слово Христа с креста.

На этом диалоги не закончились. Следующий диалог был с разбойником, который был распят с правой стороны от Христа. Между ними был диалог, между разбойником справа и разбойником слева. И разбойник слева считал, что если ты Христос, то сними Себя и нас. Как этот разбойник, думают и все остальные люди и сегодня. Если Бог есть, то почему у нас так много проблем, болезней, неприятностей? Ты Христос, так отчего мы страдаем, в чем дело?

А второй разбойник имел покаяние, и он сказал: «Или ты не боишься Бога? Мы с тобой достойно по делам получили, а у Него нет грехов, Он безгрешный». И потом обратился к Господу Иисусу Христу, распятому между ними обоими: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем». На что Христос сказал ему: «Сегодня же будешь со мной в раю».

Разбойник благоразумный, висевший с правой стороны от Господа, имя которого мы не знаем с достоверностью, есть предания различные, но достоверных знаний у нас нет, в Писании не пишут. Разбойник, который висел справа от Господа Иисуса Христа, — это человек, который показал самую большую веру в мире. Слева от него висел такой же, как он, человек, избитый, измученный. Хочу вам напомнить, что у Иисуса Христа, согласно Туринской Плащаницы, был сломан нос, свернута скула, один глаз был полностью закрыт гематомой. Вы когда-нибудь видели людей, которых били так сильно? Не пощечины, отшвыльвали звонкие и нестрашные, а вот так, по-мужички, крепко, кулаком, например, в лоб, в глаз и в бровь, и в нос, и в зубы, так чтобы зубы крошились? Если вы когда-нибудь видели, как бьют люди людей, то все это вспомните и поймете, что Христа били именно так. Его избивали руками, ногами, локтями, коленями. Он был изувечен, т.е.

на кресте, когда Христос висел, Он был изуродован. Он был человеком, на которого нельзя было смотреть без слез, кроме того — Он был распят. С него текла кровь, Он был обескровлен. И это означает, что у разбойника, висевшего на кресте справа от Иисуса Христа, человеческих мыслей уже не было, здесь были мысли от Бога. Это было действие Духа Святого.

Разбойник под действием Духа Святого вдруг сказал ему «Господи» — этому, униженному: «Вспомни про меня в Царстве Твоем», а на Христе был еще терновый венец. На разбойниках не было терновых венцов, а на Христе был. И он говорит Ему: «Царь мой, вспомни про меня в Царстве Твоем»...

Ну, какое Царство может быть у человека в терновом венце, с поломаным носом, окровавленного, с выбитыми зубами и распятого на кресте? Разбойник узнал во Христе Бога, назвал его Господом. Ничего такого большого он не просил, просил: Ты вспомни про меня во Царствии Твоем. Понимаете, когда человек просит много — он получает мало, а когда просит мало — получает много. Разбойник попросил мало, а получил очень много. Христос сказал ему: «Сегодня же будешь со мной в раю». Напомним первое: «Прости им, не знают, что творят», второе: «Жено! се, сын Твой. Се, Матерь твоя», третье: «Ныне будешь со Мною в раю». Потом Христос ощутил жажду и сказал короткое слово «Жажду», т.е. пить хочу. В ответ на эту просьбу ему принесли целую губку, наполненную уксусом, т.е. римский солдат подошел к некоему сосуду, намочил губку уксусом, воткнул на копье и ткнул Христу в лицо: «На, пей». Значит, в ответ на слово «жажду» Он получил уксус. Потом он сказал самые страшные слова в истории мира.

Есть много страшных слов в истории мира, но страшнее этих нет. Это слова, которые Он сказал по-арамейски, мы не знаем этого языка, его не преподают в школах, мы его не учим. Сейчас все учат английский, немецкий, а арамейский никто не учит. Так вот, Христос сказал по-арамейски: «Или, Или! лама савахфани?» это означает: «Боже Мой, Боже Мой, зачем ты Меня оставил?» Эти слова взяты из 21 псалма, т.е. Христос от Себя ничего не говорил. Все, что Он говорил, было из Старого Завета, потому что весь Старый Завет — боговдохновенный, и в нем скрыто Евангелие. В 21 псалме царя Давида написано: «Боже Мой, Боже Мой, вонми ми», т.е. «услышь меня, зачем ты оставил меня, вскую оставил мя еси?».

Христос процитировал слова этого псалма на кресте, потому что Он сын Давида и потому что Давид пророчествовал о Нем. В этом крике, в этих словах содержатся все крики человечества. Человечество кричит и плачет с тех пор, как согрешило. Кричала Ева над трупом Авеля, кричали люди, погибающие в водах потопа, кричали те, кричали эти. Еще мы будем кричать до скончания века.

Все крики наши собраны, сжаты в маленькую площадь, в маленький объем. И вот вам эти крики: «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты меня оставил?» Это сказал человек, который не имел ни одного греха. Человек Иисус Христос, который Господь наш, но вместе с тем настоящий человек. У него наша печень, наше сердце, наши легкие, наши почки, наша кровь, наши жилы, наши кости, наши нервы. И когда Его прибивали ко кресту, Ему было больно как всякому человеку, которого мучают, над которым издеваются. Когда Он на кресте кричал: «Или, Или! лама савахфани?» — Он собрал все крики страдающих людей воедино и принес их Богу и Отцу. Это произнесено пятое слово.

После этого Он сказал: «В руки Твои

предая дух Мой». И эти слова нужно запомнить нам, потому что нам с вами умирать, непонятно когда, но что умирать — это точно. И когда мы будем умирать, мы будем что-нибудь говорить. Нельзя ж молчать, когда ты умираешь, да вообще молчать не получается. Попробуйте помолчать полдня, у вас ничего не получится. Люди молчать не умеют, люди болтуны и трепологи. Они треплются, если бы они говорили о чем-нибудь хорошем, — они треплются о всякой чепухе. Они даже полчаса помолчать не могут, они болтают о всякой белиберде с утра до вечера, всю жизнь от рождения до смерти. Поэтому когда мы будем умирать, мы будем тоже что-то говорить: «Какой ужас, мне страшно» или «Доктор, спасите меня». Когда умирал Пушкин, он говорил: «В горнее, в горнее», т.е. наверх, наверх, выше, выше. Когда умирал Суворов, он сказал перед смертью: «Все суета, покой души — перед Престолом Всевышнего». Когда умирал Гете, он сказал: «Света, больше света» «Licht, Licht, mehr Licht». Когда умирал Вольтер, он сказал: «Я ухожу в ад, и мне очень страшно. Я хочу пожить хотя бы еще полгода».

Люди говорят перед смертью самые разные слова, мы тоже будем говорить перед смертью или думать о чем-то перед смертью. Христос перед смертью сказал Отцу: «В руки Твои предаю дух Мой». Это было шестое слово, сказанное на кресте. Седьмое слово — это: «Свершилось», т.е. все закончено, теперь — все...

Прекрасный фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы», по моему мнению. Прекрасный, потому что он совершил огромное миссионерское движение в мире, возвратил наше сознание ко Христу, к Его страданиям. Там есть такой нюанс, когда Христа бьют, и сильно бьют, безбожно, жестоко. Специально римляне зашивали в плетки пуговицы, били по глазам, по животу, по ягодицам, по ногам. Били страшно, от одного битья можно было умереть. В фильме Богородица смотрит со стороны и говорит: «Сын мой, когда Ты решишь прекратить все это?» По фильму Она понимает, что Он Господь. То, что Его избивают, мучают, унижают — Он может все в секунду прекратить. Она не понимает, почему Он это все терпит, зачем это нужно все. И там есть такие великие слова: «Когда Ты захочешь и решишь все прекратить?» Христос терпел добровольно, Его не просто поймали, связали, избили, замучили, унизили, опозорили, распяли и похоронили. Ничего подобного, это не про Христа. Христос сильнее всех. Он в прах и мусор может превратить всех нас в одну секунду. Но, тем не менее, Он взял на себя добровольное страдание, и когда оно закончилось — Он сказал: «Свершилось», т.е. все закончилось.

Семь слов, которые Жизнодавец произнес с креста: «Прости им, они не знают, что творят», «Жено! се, сын Твой», а ученику «Се, Матерь твоя», разбойнику «Ныне будешь со мной в раю», «Жажду», «В руки Твои, предаю дух мой», «Или, Или! лама савахфани», «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты меня оставил?» и последнее «Свершилось». Есть у Генделя музыка: «Семь слов Христа с креста». Есть у средневековых проповедников сто, пятьсот проповедей про семь слов Христа с креста. Есть у наших святых отцов слова проповеднические про семь слов Христа с креста. Во многих храмах служится пассия — это Страстная служба. Это служба Великой пятницы, предвещающая Великую пятницу. Страстное Евангелие — это акафист Страстям Христовым, поклонение Христу. Мы будем обновлять в нашей душе все написанное и сказанное. И будем пытаться понять, какой ценой мы спасены.

Протоиерей Андрей Ткачев

«*Райские хутора*» и другие рассказы священника Ярослава Шилова

Продолжение. Начало в №20 (308)

В углу двора, возле «Тигра» без башни, валяются обломки ландинского костыля. «Тигр» этот попал сюда с нашей техникой еще в те времена, когда мастерские занимались ремонтом танков. Теперь на плоскостях его корпуса рихтовали жель, а в катках гнули прутки и трубы.

Померились ростом, получилось, что костыль надобно делать чуть выше Сереги. Сходил в столярку, он скоро принес не очень красивую, но достаточно прочную опору для Ландина: — Углы ножичком подстрогаешь.

— Какой разговор! — Ландин обрадованно подхватил костыль. — Самое то, что надо!

Остался б Серега — все равно опять в ночь, — да голодно, вот и приходится идти домой.

На Хорошевке военнопленные разворачивают строительство: роют под фундаменты котлованы, пилят доски, выгружают из машин кирпичи.

— Эй! — окликает знакомый немец, который как-то попадал на работу в Серегины мастерские.

Несколько человек подходят, сдержанно здороваются, выясняют, слышал ли Серега об окончании войны, после чего с явной радостью сообщают, что нашли наконец одного, который воевал под Москвой, и указывают на пожилого офицера.

— Наро-Фоминск, — говорит Серега, вопросительно глядя в глаза военнопленного.

— Я, я! — немец кивает.

— Каменка, — уточняет Сергей и повторяет: — Деревня Каменка, река Нара.

— Я, я! — присев на корточки, он начинает щепкою чертить на земле схему. Показывает, где стояла их часть, где была артиллерия, где танки.

Серега со всем соглашается и, сев напротив, показывает, каким путем водил он разведчиков в немецкий тыл. Офицер, тыча пальцем то в схему, то в Серегину грудь, сбивчиво и — странно — с очевидной радостью, словно однополчанина встретил, все рассказывает и рассказывает что-то своим по-немецки.

Подошел молодой, не выдавший войны конвоир. Немцы извинились за приостановку работы, и те, кто знал по-русски, принялись разобъяснять ситуацию.

— Правда, парень? — спросил конвоир. — Сколько же тебе годов-то было?

— Червонец.

— Ну ты даешь! Покажь медальку-то хоть! Или не заслужил?

— Дома, — устало отвечает Сергей, — в другой раз как-нибудь. Немцы интересуются, отчего Серега в такой день не веселится, не празднует, дескать, неужели ему в день, когда окончилась война, «не карашо».

— Хорошо-то хорошо, — вздыхает Серега. — Да только... — обводит их тусклым взглядом. — Лучше б ее вообще не было.

Тут, усиленный рупором, с противоположной стороны улицы доносится резкий гортанный окрик. Немцы тотчас расходятся и вновь берутся за кирки и лопаты.

— Ихний начальник, — неодобрительно усмехается конвоир. — Вредный до ужаса — людям и поговорить не дает!

На прощание он пожимает Сереге руку...

Возле бараков среди развешанного белья веселится народ: патефон на табуретке, бабы, бабы, бабы да пяток мужиков. Один летун — при наградах, руках и ногах, и где ж его только отыскали такого? Остальные — калеки: у которого рукав в кармане, у которого деревяшка из галифе торчит, а есть и вовсе безногий, на тележке. Отталкиваясь чурками, он подпрыгивает — танцует, и с дробным лязгом ударяются оземь колеса-подшипники, а лицо уже побагровело от боли.

Приближается идущий на посадку зеленый «Дуглас». Качнувшись с крыла на крыло, машина проносится над самыми головами, отчего сохнувшее белье перехлестывается через веревки. Бабы машут вслед самолету кулаками, но он уже исчезает за забором Центрального аэродрома.

Мать в комнате. Сидит за столом. На столе бутылка вина и

завоеванная Серегой медаль.

— Кого ждешь? — спрашивает Серега, решив, что мать совсем сбрендила и вновь стала ждать отца, хотя в сорок четвертом они даже могилку отыскали.

— Тебя, — отвечает мать. Встает, подходит к нему. — Если б не ты, если б не ты, — начинает плакать. — Я не знаю... — Вдруг в голос кричит: — Сережа! — и судорожно прижимает его к груди.

Он терпеливо дожидается, пока схлынут рыдания, пока обессиленно опустятся руки.

— Ну ладно, мать, чего ты? Нормальный ход!

— Да-да, — кивает она, — конечно. Ты садись, садись. Сейчас я примус разожгу, кашу согрею, и пообедаем, и отпразднуем, садись... — и уходит на кухню.

Серега садится к столу. Даваясь слюною, глядит на закуску: ломоть хлеба, вареную морковь, соевые батончики и горсть сухофруктов. В животе начинает скрипеть, бурчать, булькать, но все равно хорошо и клонит ко сну.

Друг Сашка стучит в окно. Приходится встать и открыть форточку.

— Чего тебе?

— Слышал?

— Да слышал, слышал, все уже знают!

— Плотва пошла!

— Чего? — ошарашенно шепчет Серега.

— На Тарakanовке плотва пошла — сменщик мой тридцать штук с утра заловил, так что давай скорей. Два крючка у меня есть, нитки есть, пробки найдем где-нибудь, червей у кавалерийской школы нароем, а удочки на берегу вырежем. Половим до темноты, а там, может, и на ночь останемся, костер разведем... — На ночь я не могу, мне в ночь работать.

— Чегой-то? — удивляется Сашка. — У нас на авиационном так всем выходной дали.

— Ладно воображать-то: «на авиационном, на авиационном». Мы всю войну танки ремонтировали — тоже не хухры-мухры. А потом... может, и у нас дали — не знаю. Я ж когда уходил, никого, кроме сторожа, не было... Да дело не в этом. Боюсь, мать не отпустит — она на кухне, мимо не проскочить...

— Через окно!

— В форточку не пролезть, а рамы заклеены.

— Открой, все равно теперь уже тепло будет!

— А и вправду!

Прислушиваясь, не идет ли мать, Серега быстро надрезает ножом полоски бумаги, отворяет окно и выпрыгивает.

— Крупная плотва-то?

— Ну! Хорошая, говорят!

И они бегом бросаются к Таракановке.

За тенью

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходила через ее деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке.

Она не могла точно вспомнить причину, вынуждавшую их возвращаться из плена пешим путем: не то обворованные, не то проигравшиеся, не то отставшие от эшелонов, — ну да речь о другом: шли.

Рысово было в ту пору обыкновенной разоренной мором и голодом деревенькой дворов до тридцати — малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышленный народ — ребятишки: то освистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, — взрослые же относились к ходокам бесстрастно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться — вздрагивая плечами, но совершенно молчком: у нее был только один зуб, и рта она не раскрывала — стеснялась. Я же еще более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?... В мгновение она становилась серьезной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

— А что же оставалось делать?... Смотреть, как они сгинут с голodu? Подкармливали... Мужики вон наши — все калеками повозвертались: у кого ноги нет, у кого — руки, кто — контуженый, в ком — дырок, как в решете, а и те — дадут работенку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир — он с костылем шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, — говорит, — да у тебя гости! Кто ж такие?»

Агафья — а тогда она была не бабой Гашей, а колхозницей Агафьей Орловой — и отзываться на этот пустой вопрос не стала. «Не помню, косили мы в тот день или лен теребили: еще до рассвета из дома ушла, а вернулась аж к вечеру — сил никаких нет, а он с глупостями, будто не видит сам, кто они».

А бригадир и говорит: «Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадирю, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я — Вебер, он — Браун», — интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебиль и Бряун».

Бригадир им снова напоперек: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, — говорит, — души в безнадёжной трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали — кое-как: столбы неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», — и рукою махнул.

«Ну, значит, — рассказывала мне баба Гаша, — они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки — ложки завертывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками — чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись — ну, как тебе по команде! — и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, говорю, ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят все, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу — все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку — спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку еще утюг сверху — чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, все уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было — дерн, дорожка песочком посыпана... Одно слово — германцы».

Приходили и еще, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее свое ранение получил на одной из центральных улиц Берлина.

Ходоки эти появлялись нечасто, тем не менее встречи с ними были достаточно зауражны; в селе, где стоит церковь и где погост, на котором покоятся теперь смиренные косточки Агафьи Орловой, немцы даже захаживали в храм помолиться, и никто их не выгонял, никто не трогал, хотя знали, что веры они — иной.

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдается мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им — отвоевавшимся — предстояло проходить без оружия и без всякой еды.

Они не могли не знать, что русские после драки кулаками не машут, они должны были догадываться, что злопамятство здесь не в чести, им дано было увидеть — и в дни опьяняющего триумфа, и в дни бесславия своего, — как милосерден этот народ к убогим, нищим, к попавшим в беду.

— Вы с ними вроде бы как со странниками? — уточнял я у бабы Гаши.

— Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих — нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме — в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень — туда и они. Так и шли за своей тенью.

Продолжение следует

П р а в о с л а в н ы й к а л е н д а р ь

24 апр., вс. — Неделя ва́ний (цветоно́сная, Вербное воскресенье). Вход Господень в Иерусалим. Сщмч. Анти́пы, еп. Перга́ма Асийского. Прп. Иа́кова Железнобо́ровского. Свт. Варсоно́фия, еп. Тверского. Прпп. Евфи́мия и Харито́на Ся́нжемских. Сщмч. Николая.

25 апр., пн. — Страстна́я седмица. Великий Понедельник. Прп. Васи́лия исп., еп. Па́рийского. Иконы Божией Матери, именуемой «Му́ромская». Сщмч. Зинона, еп. Веронийского. Прп. Исаака Сирина в Сполете Италийском. Прп. Анфусы девы. Прмч. Сергия.

26 апр., вт. — Страстна́я седмица. Великий Вторник. Сщмч. Арте́мона, пресвитера Лаодикийского. Мч. Крискента, из Мир Ликийских. Мц. Фомаиды Египетской.

27 апр., ср. — Страстна́я седмица. Великая Среда. Свт. Марти́на исп., папы Римского. Мчч. Анто́ния, Иоа́нна и Евста́фия Ви́ленских, Литовских. Мчч. 1000 Персидских.

28 апр., чт. — Страстна́я седмица. Великий Четверто́к. Воспоминание Тайной Ве́чери. Апп. от 70-ти Аристáрха, Пу́да и Трофи́ма. Мцц. Василиссы и Анастасии. Мчч. Месукевийских Сухия и дружины его. Мч. Саввы Готфского. Сщмч. Александра пресвитера.

29 апр., пт. — Страстна́я седмица. Великий Пятóк. Воспоминание Святых спасительных Страстей Господа нашего Иисуса Христа. Мцц. Ага́пии, Ири́ны и Хионии.

30 апр., сб. — Страстна́я седмица. Великая Суббота. Сщмч. Симео́на, еп. Перси́дского. Прп. Ака́кия, еп. Мелити́нского. Прп. Зоси́мы, игумена Солове́цкого. Обре́тение мощей прп. Александра Сви́рского. Свт. Агапита, папы Римского. Мч. Адриана. Сщмч. Феодора пресвит.

Отечник

Некий брат сказал авве Пимену:

— Мне очень досаждают помыслы, и я бедствую от них. Старец вывел его из кельи на воздух и повелел ему:

— Распрости полы одежды твоей и удержи ветры.

Брат отвечал:

— Я не могу сделать этого.

Тогда старец ответил ему:

— Если не можешь сделать этого, то не сможешь запретить и помышлениям, чтобы они не приходили. Но твое дело — противиться им.

* * *

Спросил однажды авва Марк авву Арсения:

— По какой причине ты избегаешь общества и беседы с нами?

Арсений отвечал:

— Знает Бог, что я люблю вас, но не могу быть вместе и с Богом, и с людьми. На небе тысячи и тысячи тысяч имеют одну волю, а у людей воля многообразна: и потому не могу, оставив Бога, быть с людьми.

* * *

Однажды авва Евагрий сказал авве Арсению:

— Отчего мы, при всей нашей учености и нашем развитии, не имеем ничего, а эти грубые египтяне имеют такое возвышенное духовное делание?

Авва Арсений отвечал:

— Мы ничего не почерпаем для духовного жителства из учений мира, а они подвигами стяжали свое духовное жителство.

* * *

Один отшельник достиг такой святости, что спокойно жил среди зверей, и они его не трогали, кормил их детенышей, и звери не причиняли ему вреда. Когда его увидел один из отцов монастыря, то сказал:

— Если ты хочешь достичь еще большего совершенства — иди в монастырь и попробуй ужиться со святыми братьями.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь.

Главный редактор — настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес:

г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в

полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу:

г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!